

18+

АЛЕКСАНДР
ПРЯЛУХИН

НЕНАВИЖУ ИГРУШКИ

Александр Прялухин

Ненавижу игрушки

«Издательские решения»

Прялухин А.

Ненавижу игрушки / А. Прялухин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983625-0

Каждый шаг контролируется, каждый вздох, каждый взгляд... У тебя на плечах эйнер. Его нельзя сбросить, уговорить или разжалобить, можно только подчиняться. И холодные лезвия, касающиеся твоей шеи, ежесекундно напоминают — не вздумай ослушаться! Теперь нет связи с Землей, нет надежды на спасение. Но в людях остались упрямство и желание быть свободными! «Ненавижу игрушки» — первая книга в дилогии, посвященной столкновению трех цивилизаций: акци, менсо и эйнеров.

ISBN 978-5-44-983625-0

© Прялухин А.
© Издательские решения

Содержание

Первый шаг	6
Бах!	11
За стеной	16
В монастырь	21
Чужие следы	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ненавижу игрушки

Александр Прялухин

© Александр Прялухин, 2020

ISBN 978-5-4498-3625-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первый шаг

Ненавижу игрушки. С тех пор, как эйнеры захватили планету. Им все равно, чью шкуру на себя напялить, в чье тело залезть, лишь бы не сгнило слишком быстро. Плюшевое зверье из синтетических тканей прекрасно для этого подходит: мишки, собачки, котики...

Каждый эйнер – лишь набор микросхем и сервоприводов, он легко умещается в мягкое, игрушечное тело. Впрочем, некоторым нравится выставлять напоказ голый металл, словно в загибок человека-носителя вцепился маленький блестящий скелет. Но такие попадаются редко. Все-таки у эйнеров слабость к милым шкуркам.

Медвежонок с бежевым животом и коричневыми лапами, подаренный кем-то три года назад, на шестнадцатилетие, сидит теперь на моей спине, поверх энергоблока, похожего на горб. Вместо пуговок-глаз у него камеры.

– Идем к старой башне, – командует «мишка» голосом электронного помощника, украденного из операционной системы земных компьютеров. Рядом с башней у него торговая точка, одна из семи, которые он обходит каждый день. Он? Нет, я обхожу. Он сидит у меня на спине.

– Аккуратнее, Века. Здесь камни. Не вздумай упасть.

Века – это я. Вероника. У эйнеров короткие имена, поэтому наши они тоже сокращают. Моего зовут Рэк. Однажды проснувшись, я обнаружила, что больше не принадлежу сама себе, теперь он мой хозяин.

Мы идем по жилому району, построенному вокруг ретранслятора, взметнувшегося ввысь на десятки метров. Памятник утраченных возможностей человечества... Раньше его использовали для связи с Землей, но теперь это лишь «старая башня», ржавеющая конструкция, которая, обветшав, когда-нибудь рухнет под собственной тяжестью.

Дорогу я знаю хорошо, оступиться не боюсь. Есть возможность поглазеть по сторонам. Смотреть – все, что нам осталось. Мимо проходят другие носители с хозяевами на спинах: мужчины, женщины, даже старики и подростки. Порой замечаю свободных людей. Их я тихо презираю: они по собственной воле сотрудничают с интервентами.

Лавка номер четыре поставлена не в самом людном квартале, но вокруг нее в поисках легкого заработка всегда крутятся нищие, праздно шатающиеся и, конечно, покупатели. Эйнеры притащили на планету свою клиентуру: странных, причудливых тварей, большинство из которых я не нашла бы даже в энциклопедиях.

– Ему ничего не давай! – со злостью покрикивает Рэк на продавца, указывая моей рукой на жуткого типа, скалящегося на нас из под грязной накидки, – Это же таркианец! Недоумок, я давал тебе список, с кем нельзя торговать! Где он?

Молодой парень за прилавком суетливо ищет бумагу, достает ее с верхней полки, прикалывает на видное место. Он боится смотреть в глаза Рэку, но не потому, что тот ударит его. Как? Своими плюшевыми лапками? Моими? Еще до вторжения, когда только поступила в политех, я поставила вместо рук бионические манипуляторы. Надеялась, что точные инструменты позволят лучше справляться с современной электроникой. Теперь я бесполезное существо, не способное к самозащите. Кто-то может похвастаться, что оказал сопротивление, прежде, чем стал носителем. А что могла сделать я? Полкило – предельная нагрузка для этой модели манипуляторов. Нельзя даже ударить того, кто залезает тебе на плечи, подключается к имплантам, к человеческой нервной системе. Ничего я не могла сделать...

Напуганный продавец бросает на меня быстрый взгляд. Именно этого он боится: что его уволят, оседлают. Что он станет таким же, как я – ходишь только туда, куда прикажут, никакой личной жизни, тело не принадлежит самому себе. Дурак. Это не самое страшное. Я потеряла почти все, но хотя бы могу думать свободно. А он – торгош, прислуживающий захватчикам –

каждую секунду боится совершить оплошность, сделать что-то не так. У него нет времени и смелости на мысли свободного человека.

– Идем дальше, Века. На рынок.

Я послушно разворачиваюсь, начинаю долгий подъем в гору. Там, на вершине холма, раскинулся огромный базар. Вот где по-настоящему людное место! Если его можно так называть, ведь людей здесь отнюдь не большинство.

В глаза летит пыль, по улице раскидан мусор. Эйнерам плевать на чистоту городов, которых они не строили. Для них это временное прибежище – придет срок и они покинут планету, высосав из нее все соки. А сейчас помой медленно, но верно поглощают наши улицы. Я уже привыкла к смраду, не обращаю на него внимания.

Показались торговые ряды, нарастает шум голосов. Еще немного и подъем закончится. Скорее бы! Дыхание частое, капли пота стекают по спине, в ложбинку между мозолями от энергоблока. Молодой организм эксплуатируется на износ, а Рэк не обращает на это внимания: сдохну – возьмет себе другого человека, хотя бы того же парня из лавки номер четыре. А может и еще кого. Все зависит от имплантов. Чем их больше, тем легче подключиться к живому организму, управлять им. Мы надеялись себя усовершенствовать, сделать свои тела надежнее, эффективнее... Теперь это пригодилось эйнерам.

Входим на территорию рынка. Светило нещадно палит, забравшись в зенит безоблачного голубого неба. Оно делает мою кожу все темнее и темнее от загара. Под ногами хрустят раскаленные камни и песок, они мешают твердо стоять на ногах. Ничего, справлюсь, не впервой. Надо идти ровно, держаться, пока есть силы. Одного падения будет достаточно, чтобы...

Я не стесняюсь толкать локтями других носителей, в толпе каждый сам за себя. С трудом отворачиваюсь от человека, заглатывающего еду, запивающего ее мутной водой. Надо потерпеть, мое время кормления еще не пришло. Надо отдать должное Рэку – он не покупает для меня гнилые отбросы. Видимо, хочет продлить срок эксплуатации. Оно и понятно, носитель я послушный, схватываю все на лету, опять же моими руками он может управлять, а то и мне доверять тонкую работу. Есть и другие причины: в развлечениях хозяев красивые юноши и девушки всегда в цене, но об этом я стараюсь не думать.

– Стой.

Останавливаюсь, хотя мы не дошли до цели.

– Жди, – он скидывает два кабеля, соединяющих мое тело с энергоблоком и его нейро, ловко спускается на землю.

Еще мгновение и Рэк скрывается в одном из торговых павильонов. Я растерянно оглядываюсь по сторонам. Не помню, когда последний раз была одна на улице, без присмотра, без управления. Мелькнула шальная мысль «сбежать!», но я тут же гоню ее прочь. Свой энергоблок любой хозяин отследит, а сбросить его у меня не получится – с таким же успехом можно пытаться отрезать конечность. Слишком тесная взаимосвязь, проникновение в организм.

С глупой улыбкой топчусь на месте, ожидая возвращения того, кто скажет, что можно идти дальше, выберет за меня направление. Странное чувство. Мимолетная, случайная, ложная свобода. Ничего не обещающая, лишь дразнящая и провоцирующая. Я опускаю голову, сажусь на землю, в тени, чуть в стороне от бесконечного потока продавцов и покупателей. Нужно заглушить это в себе – протест, рвущийся наружу. Сделать усилие, сжать зубы... И вот уже маленькое восстание подавлено. Сейчас не время. Может быть, позже. А может, никогда.

Он выходит через минуту. Вряд ли у меня был шанс далеко удрать, даже если бы я оказалась такой дурой, что решила на это.

– Ты знаешь, куда, – говорит Рэк, взобравшись на металлический горб.

Киваю и снова отправляюсь в путь, освобождая дорогу локтями. Базарный гомон закладывает уши. К нему можно привыкнуть, как и к любому окружению, образу жизни. Стараюсь идти зигзагами, от одного навеса к другому, чтобы не торчать на солнце. Хозяину все

равно, он не чувствителен к высоким или низким температурам. Может, другой приказал бы идти прямо, но мой благосклонен, замечаний не делает. И на том спасибо.

Вскоре добираемся до лавки номер один. Это я ее так называю. На самом деле строение напоминает торговый комплекс из нескольких корпусов разной этажности. Рэк – хозяин не из бедных.

Приседая, чтобы, не дай бог, не ударить его о притолоку, захожу внутрь. В холле будто разлили мрак, но это с непривычки, после яркого дневного света. Глаза быстро привыкают.

Тут же появляется помощник на своем носителе, услужливо приглашает хозяина за стол, где разложены пластиковые карточки с отчетами о сегодняшней торговле. Я знаю, что делать: сажусь на пол, переплетая ноги. Рэк оказывается на уровне столешницы. Скользит плюшевой лапой по карточкам, считывая данные.

Эйнеры не передают информацию дистанционно, не прокладывают кабели, не запускают спутники. Только личные встречи и физические накопители. Думаю, торговля среди звезд, граничащая с разбоем, научила их такой осторожности. А еще потому, что они быстро покидают разоренные, разграбленные планеты. В самом деле, зачем обустраиваться, если знаешь, что скоро улетишь?

Краем глаза замечаю среди карточек несколько красных. Мне это знать не положено, но когда месяц за месяцем делаешь одно и то же, наблюдаешь за работой хозяина, невольно замечаешь особенности ведения бизнеса. Красный – не полезные ископаемые, не вода и не предметы искусства. Красный – живой товар. Сегодня почему-то больше обычного. Удачный день для продавца, да и для покупателя тоже. И приговор для тех, чьи души стоят за красными кусками пластика.

Мы возвращаемся домой. Хозяин доволен, я чувствую это. В человеческой лавке он покупает мне бутылку чистой воды, два толстых куска хлеба из муки грубого помола и скрученное в рулеты, настоящее, не синтетическое, мясо. Происхождение мяса меня не волнует. Брезгливость была в первые месяцы пленения, а теперь не важно, теперь все равно. Рэк ждет несколько минут, пока я расправлюсь с едой. Идем дальше.

– Ты мне нравишься, Века.

Я не знаю – ужасаться или радоваться такой похвале. Осторожно отвечаю:

– Спасибо, хозяин Рэк.

Чувствую прикосновение мягкой лапы к своим волосам. Однажды я видела, как через ткань выползали тонкие металлические когти. От этой ласки хочется содрогнуться, но я сдерживаюсь.

– Впредь, если почувствуешь усталость, – продолжает он, – я разрешаю тебе остановиться и отдохнуть. Недолго.

Снова благодарю его. Излишняя благосклонность – тоже плохо. Чего доброго заберет с собой, когда будет улетать. Я бы предпочла остаться на планете, превращенной в пустыню, чем лететь куда-то с эйлерами.

Сейчас мой дом – бетонный гараж. Я часто проходила мимо него, когда училась в университете. Это более поздняя пристройка к особняку времен колонизации первой волны. Даже подумать не могла, что когда-нибудь с нетерпением буду ждать заката, чтобы уединиться за его стенами. Летом тут хорошо, а зимой холодновато.

Рэк отпускает меня. Он из тех редких хозяев, что любят создавать для себя дополнительные удобства. Вся старая мебель и техника вынесены из особняка, вместо них на заказ сделали новую, под рост и возможности эйлера. Другие хозяева о таком даже не задумываются, поэтому используют носителей почти круглосуточно. У меня же есть ночь, а иногда и вечер.

Сегодня в гараже неприятное соседство. Когда я вхожу – сразу вижу его. Испорченный носитель, молодой парень. Прижат к стене, смотрит в потолок остекленевшими глазами. Бывает, что хозяева заменяют людям мозг, ставят вместо него имплант управления. Так им

удобнее. Но это не тот случай – уж я умею отличить! Парень хоть и жил под хозяином, но пользовался своим умом. Просто он испортился, не выдержал нагрузки. Кажется, я видела его раньше в доме, один или два раза. Не помню точно...

«Испортился». Ловлю себя на мысли, что даже думать стала, как эйнеры. Он погиб, а не испортился. Об этом забывать нельзя. Нужно аккуратно складывать на полочки памяти такие моменты, сохранять, беречь. Когда-нибудь пригодятся.

Я устраиваюсь в противоположном углу гаража, подальше от тела с остекленевшим взглядом. Надеюсь, завтра его уберут. Снимут энергоблок, остальное выкинут. Потому что если он пролежит тут еще день... Будет очень неприятно.

Хочу заснуть, не терять драгоценное время на бесполезные размышления. Но сон не идет. Что-то мешает, какая-то назойливая мысль, кружащаяся рядом, словно залетевший в комнату комар. Не могу ухватиться за нее, она постоянно ускользает. И вот уже когда дрема наваливается на меня тяжелым, душным мешком усталости, я вдруг подскакиваю на месте.

– Снимут энергоблок!

Металлический горб нужен только хозяину. Они без него никуда не ходят: тоже, видимо, результат печального опыта, накопленного за многие годы. Но меня интересует даже не сам энергоблок. Я подхожу к телу, осторожно, словно могу спугнуть его. Хотя больше пугаюсь сама, собственной смелости.

– Прости, друг, но я должна попробовать.

Нашупываю в основании шеи – там, где кабель, идущий от металлического горба, соединяется с человеческим телом – небольшую плоскую коробочку из углеродистого волокна. Вряд ли другие люди понимают, что с ней делать, зачем она нужна. Но я с такими штуковинами сталкивалась! Хозяин сам чинил два подобных устройства моими руками. Бионические манипуляторы способны на любую сложную операцию, с их помощью можно перемещать микроскопические детали на сотые доли миллиметра, точно устанавливая в нужное место.

Надавливаю на коробочку в правом верхнем углу. Ничего. Переворачиваю ее, пробую снова. Едва слышимый щелчок и вот уже монолитная конструкция поддается, открывая доступ к электронной начинке. Склоняюсь ниже, чтобы разглядеть устройство. Энергосберегающая лампочка, установленная еще до вторжения, дает достаточно света. Когда-нибудь она перегорит и вместо нее вряд ли вкрутят новую. Но сейчас – спасибо тому человеку, который по своей воле, своими руками, вкрутил в патрон маленькое солнце!

Я ищу нужную деталь – аварийный прерыватель. Собственно, электроника эйнеров не сильно отличается от нашей, специалисту разобраться не так уж и сложно. А я всегда была хорошим спецом, пусть и отучилась в политехе всего один курс.

Нашла. Эх, сейчас бы пинцет! Ногти давно не стрижены, но обломаны, с неровными краями. Сложно подцепить пластинку размером два на полтора миллиметра. Ничего, справлюсь. Одна рука держит коробочку, компенсируя случайные отклонения тела, другая медленно опускается, позволяя большому и указательному пальцам ухватить деталь, вытянуть ее наружу, не повредив.

Уф-ф! Сделано. Теперь спрятать. Здесь? Нет, лучше носить с собой. В гараже осталось много инструментов, коробок со всевозможным бардаком для ремонта машин. Нахожу то, что мне нужно, заматываю прерыватель, положенный между двух кусочков пластмассы, изолянтной. Не слишком сильно, чтобы легко можно было скрыть в одежде.

Закрываю коробочку, ставлю ее на место. Она не часть энергоблока, ее содержимое для каждого носителя настраивается индивидуально. Это значит, что ее не станут переносить другому и не заметят исчезновение детали. Дело за малым...

Я нашупываю такое же устройство в основании своей шеи. Если заменить настроенный под меня прерыватель на чужой, он просто не будет работать. В экстремальной ситуации

эйнеры не смогут взять меня под контроль! Пусть не сейчас, но когда-нибудь, когда буду готова, я сделаю это.

Легкие пути к спасению бывают только в кино: нажать на главную кнопку – вот и все, справедливость восторжествовала, захватчики повержены! В реальной жизни иначе. Не знаю, получится ли у меня хоть что-то, хватит ли смелости, сил, знаний. Найду ли я единомышленников среди других людей, которые в нужный момент подставят плечо. Но первый шаг сделан. И теперь я уверена, что сделаю и второй, и третий! До тех пор, пока мы не перестанем быть игрушками в чужих руках.

Бах!

Когда на подходе крупная партия живого товара, хозяева устраивают встречу. Собираются у одного из них дома, по пятнадцать, двадцать эйнеров. Нас, носителей, оставляют в подсобке или гараже, а то и просто на улице – бизнес они обсуждают без свидетелей. Такое бывает раз в полгода, иногда чаще, иногда реже. Я ненавижу эти встречи. Не только потому, что после них сотни людей отправляются в рабство, навечно исчезая в черноте чужого космоса, но и потому, что ждать приходится в толпе, среди других носителей, многие из которых потеряли все человеческое.

Мы идем через центр города. Рэк сказал мне адрес и время, к которому мы должны быть на месте. Остальное – мои проблемы. Я сама решаю, как быстро нужно переставлять ноги, имею ли право на кратковременный отдых.

Осторожно поглядываю по сторонам, вспоминая, какими эти улицы были раньше. Сейчас сады вдоль бульвара заброшены: где-то они разрослись, выламывая заборы, а где-то засохли без должного ухода. Фасады домов с облупившейся краской, окна покрыты слоем пыли. Под ногами разбитый асфальт. И запах... Вездесущий, вьедливый запах помоев!

Пересекаю городскую площадь. Здесь до сих пор видны воронки от взрывов: полиция и ополченцы в дни вторжения стояли до конца. Но силы, конечно, были не равны. Интересно, что там, ближе к Земле? Идет ли война? Все ли миры захвачены, как наш, или кто-то продолжает сражаться? Я трясусь головой, прогоняя бесполезные размышления, терзающие душу и сердце.

– С тобой все в порядке, Века? – спрашивает неживым голосом плюшевый медвежонок, сидящий на моей спине.

– Все хорошо, хозяин. Я в порядке.

Дура! Нельзя ему показывать, что ты о чем-то думаешь. Ни словом, ни жестом. Сжимаю зубы и иду дальше.

Вот и нужный адрес. Пришли с опережением в шесть минут. Захожу через проем в заборе, где когда-то была калитка. Это территория другого хозяина и я готова в любой момент остановиться: у каждого свои правила – кто-то не терпит чужих носителей, требует гостя спешиться еще до порога. Но двое свободных, стоящих в охране, нас пропускают. В стороне, у одной из хозяйственных построек, замечаю нескольких человек с таким же горбом энергоблока, как у меня. Пять... Семь... Всего девять носителей. Среди них три девушки. Это хорошо, внимание остальных не будет сосредоточено лишь на мне.

У входа в дом Рэк слезает, ловко цепляясь металлическими когтями за мою одежду. Уходит не оглядываясь. Один из охранников молча указывает мне на других людей и я послушно иду к ним. Сколько продлится встреча? Два часа? Три? Еды нам никто не даст, но хоть вода есть – мутный бочонок из голубого пластика, литров на пятнадцать. На треть он уже опустел, а к концу ожидания и вовсе обсохнет. Стоит выпить сейчас, сразу. Пока пью, замечаю знакомого парня: похоже, он единственный, кого я знаю.

– Привет.

Кивает мне в ответ головой. Даже если он не хочет разговаривать, ему придется. Я научилась чувствовать настроение толпы, звериные повадки человека, поэтому прекрасно понимаю, что могут сделать с одинокой, беззащитной девушкой. Защитник из парня аховый, но это лучше, чем ничего. Надо лишь обозначить, что я не одна, я с ним.

– Есть какие-нибудь новости?

Пожимает плечами.

– Откуда? Вселенная бросила нашу планету в черный ящик и захлопнула крышку. До нас никому нет дела.

– Брось, не стоит перегибать палку! Может, все еще изменится.

– Изменится? Как? – он разочарованно машет рукой.

Чуть в стороне громко разговаривают четверо мужчин. Толкают друг друга, улыбаются. Кажется, они не разочарованы той жизнью, которую им уготовила судьба. Словно в подтверждение моих мыслей один из них громко заявляет:

– А я жив и слава богу. Да, хозяин бывает грубоват, – мужчина проводит рукой по шее, на которой виднеются многочисленные порезы, – Но с нашим братом иначе нельзя, сами понимаете. Главное, чтобы голодным не оставили. А работу я не потеряю, силенок у меня еще огого!

– Какая же это работа, Гена? – со смехом встречает другой, – На работу по своей воле устраиваются!

Все четверо ржут в голос.

– Не скажи, брат! В прошлой жизни я ненавидел свою работу еще больше. Тут главное что? Иметь отдушину, возможность расслабиться. Когда хозяева нам не мешают, мы сами найдем себе развлечения! Правда? – он подмигивает женщине, которая не успела ни с кем сойтись, поэтому сидит одна, упиравшись спиной в стенку из старых досок.

Он прав. Порой хозяева специально сгоняют носителей в группы, оставляют их наедине друг с другом. Не знаю, может, они и наблюдают за нами украдкой, с них станется. Драки, насилие – забавное зрелище для того, кто смотрит со стороны.

Женщина мрачнеет, опускает взгляд. Не проходит и пяти минут, как Гена хватается ее за руку, заставляя встать, тянет за сарай. Женщина не сопротивляется, понимая, что выйдет себе дороже. Трое оставшихся подбадривают приятеля, выкрикивают ему вслед скабрзности. Каждый из них надеется стать следующим, но Гена не торопится и через несколько минут они уже начинают проявлять нетерпение.

– Прости, – мой собеседник тоже встает, собираясь отойти в сторону, – Сейчас они и за тебя возьмутся. Мне не нужны неприятности.

«Трусливый ублюдок!» Я стараюсь отодвинуться в тень, но это не спасает: трое подходят, окружая со всех сторон, заставляя вжиматься в стену. Не хочу мириться с этим, нужно дать отпор, хотя бы попытаться! Эх, если бы не слабые манипуляторы...

Тот, что напротив, хватается меня за горло, остальные держат за руки. Чувствую смрадное дыхание, прикосновения беззастенчивой пятерни, ощупывающей мое тело. Когда он чуть отстраняется, чтобы взглянуть на жертву, я уже готова ударить его коленом в пах.

– Эй, ты!

Появляется один из охранников, указывает на меня.

– Да, ты. Поди сюда.

Зло отталкиваю мужчин, иду к охраннику.

– Что? – спрашиваю осипшим голосом.

– Твой хозяин не хочет, чтобы ты с ними оставалась. Приказал отвести в отдельное помещение. Идем!

Я успеваю оглянуться, замечаю разочарованные взгляды. Рэк не хочет, чтобы меня испортили раньше времени – развлечься с игрушкой хозяин и сам успеет. Про себя благодарю его, хоть и понимаю, что сегодня он спасает меня от боли и унижения, но завтра сам может бросить кому-нибудь на расправу. Все зависит от его настроения.

* * *

Ночью, уже в своем гараже, опять не могу уснуть. К счастью, тело погибшего носителя убрали, я снова одна. Ощупываю затылок, пытаюсь в уме воссоздать переплетение проводов, места подключения, крепление серой коробочки с аварийным прерывателем.

Нет, не сейчас. Страшно. А вдруг не получится? Перепутаю провода, сломаю. Или Рэк заметит, что я в них ковырялась. Что он со мной сделает? Убьет? Продаст? Невольно обхватываю себя руками, вздрагиваю от одних только мыслей о возможных последствиях.

Лампочка под потолком мигает, словно подавая знак. Если она погаснет... В темноте справиться с прерывателем невозможно. Где-то внутри меня расцветает, набухает огненным цветком злость – на войну, пришельцев, смирение и страх, на саму себя. Как можно сомневаться? Сколько еще терпеть такую жизнь? Если сегодня меня не взяли силой, не сломали, это не значит, что так будет всегда, что хозяин станет меня и дальше оберегать. Решившись, сажусь на холщовой подстилке, заменяющей мне постель. Сейчас или никогда! Другой возможности может не быть.

Аккуратно, стараясь не делать лишних движений, отсоединяю один провод за другим. Я их не вижу, не могу запомнить по цвету, остается лишь надеяться, что расположение зафиксировано в памяти – так, на ощупь.

Готово! Пересаживаюсь в центр гаража, под свет лампы, чтобы было лучше видно. Открываю коробочку, очень медленно и осторожно извлекаю прерыватель, запрограммированный на мой нейро. Теперь его надо заменить другим. Достаяю из потайных складок замонтанный изолянт кусочек пластика. Освобождаю его, задерживаю дыхание, чтобы поставить на место. Если что-нибудь сломаю – хозяин сразу заметит, когда попробует ко мне подключиться. Едва слышимый «щелк» и прерыватель занимает свое место.

Шумно выдыхаю. Теперь размять руки-манипуляторы, передохнуть несколько минут. Осталось подключить коробочку к проводам. Их всего четыре: один, самый толстый, идет по центру и с ним ошибиться невозможно. А вот с остальными... Два справа и еще один слева. Но это не точно, они расположены слишком близко друг к другу. Что будет, если ошибусь? Замкнет?

Включаю один. Угадала. Со вторым долго не могу решиться – помню, что он справа, чуть сверху, но пока перебираю его пальцами, натываясь на соседний, начинаю сомневаться. Вдруг перепутала? Отпускаю, начинаю сначала. «Да нет же, Вероника, ты все делаешь правильно». Нажимаю на штекер, вставляя его в гнездо, и... Тишина. Ничего не происходит. Значит и в этот раз угадала! Что ж, с последним теперь все ясно. Расслабившись, упираюсь подушечкой пальца... В глазах вспыхивает что-то яркое, словно бело-голубое солнце! А потом наступает тьма.

Когда я прихожу в себя, за горизонтальной прорезью окна уже играют солнечные блики. Пытаюсь вскочить, но от сильной головной боли снова падаю на пол.

– Ох, дерьмо...

Сколько я была без сознания? Поднимаю руку: на часах шесть тридцать девять. Обычно хозяин посылает за мной не раньше семи, но в шесть я должна быть готова.

– Черт. Черт!

Сажусь, на этот раз медленно. Нашупываю сзади болтающийся провод. Сгорел? Кажется, нет. Штекер не оплавлен, оплетка ровная. Что там на самом деле – мне не видно. Сейчас уже поздно гадать и сомневаться. Меняю провода местами, втыкаю без раздумий. На этот раз обошлось без короткого замыкания. И почти в ту же секунду, как защелкнулся последний провод, дверь, ведущая в дом, распаивается. На пороге один из свободных, лакей.

– Хозяин зовет.

Он хотел было развернуться и уйти, но остановился, потянул носом.

– Чего это здесь, вроде как, горелым воняет?

Я невозмутимо поднимаюсь с пола, прохожу мимо него.

– Не знаю. Лампочка мигала, может с проводкой что-то.

Успеваю незаметно кинуть в ящик с инструментами свой прерыватель. Сейчас нет времени его прятать. Я знаю, что рискую головой, но какая теперь разница? Разве это жизнь?

Надежда на побег, пусть призрачная и эфемерная, грела мне душу все эти месяцы и годы. Смогу ли? Попробовать можно, только куда бежать? Оккупированную территорию эйнеры обнесли стеной, просто так не выберешься, а и выберешься, так попадешь в мир хаоса и беззакония. Государственные институты не действуют, нет больше ни армии, ни полиции. Каждый сам за себя. Если верить другим носителям, которые, якобы, слышали об этом от своих хозяев, за стеной осталось мало людей. Голод, болезни и убийства сделали свое дело.

– Века, возьми вон там, – Рэк указывает мне мягкой лапой на низкий, сделанный под его рост стол, на котором лежит пистолет, – Да, да. Это.

Замешкавшись от удивления, я подхожу к столу, поднимаю оружие за рукоять. Интересно, он заряжен? Это какая-то проверка? Меня на дешевом трюке не поймать! Протягиваю хозяину пистолет, со злорадством понимая, что он вряд ли его удержит.

– Нет, оставь. Для тебя будет работа.

Успеваю заметить, как в коричневых складках плюшевой морды прячется хромированный скелет – видимо, хозяин снимал шкуру на ночь. Он взбирается по мне, усаживается на горбу энергоблока.

«Что еще за работа?» По спине пробегает холодок. «Для работы с оружием есть охрана. Причем тут я?»

Мы выходим на просторный двор, где лакеи палками выстраивают десятка три оборванцев – партия, выторгованная на вчерашней встрече. Мне становится совсем нехорошо: я понимаю, что собирается делать Рэк. Сейчас начнется выбраковка.

Поднимаю голову, вижу на стенах четырех безмозглых носителей с хозяевами на плечах. Черепные коробки у них пустые, если не считать имплантов, зато у каждого в руках энергетический импульсатор.

Обходим строй. Рэк придирчиво осматривает товар, к некоторым притрагивается моей рукой. Кажется, он недоволен. С каждым разом качество все ухудшается и ухудшается. Не то, что было в первые месяцы интервенции, когда в рабство продавались сильные и здоровые колонисты. Следуя указаниям хозяина, лакеи отводят четверых в сторону. Мы проходим вдоль строя еще раз, после чего возвращаемся к обреченной четверке. Их толкают к стене, хозяин останавливает меня напротив. Затылком чувствую, что он не хочет их отбраковывать, терять прибыль, но решение принято. Рэк уверен, что этих продать не получится.

Рука, в которой я держу пистолет, поднимается сама собой. На рукояти знакомая маркировка – оружие людей, эйнеры таким не пользуются. Щелчок предохранителя. Я знаю, что могу остановиться, подмененный прерыватель не позволит хозяину отключить мое сознание. Или... Разрешить ему выстрелить? Ведь от меня ничего не зависит, черт побери! Что я могу изменить? Кого спасти?!

Давлю на спусковой крючок. Еще чуть-чуть и... Напряжение ослабевает, указательный палец распрямляется. Рука плавно идет вниз, направляя ствол пистолета в землю.

– Века, – в его голосе, не способном передавать эмоции, я все же чувствую разочарование и одновременно предупреждение, угрозу, – Века, ты не слушаешься меня.

Рука вздрагивает, пытаюсь снова подняться, но я ей не позволяю. Эти гребаные бионические манипуляторы мои и я сама буду решать, что и когда им делать!

Мягкая лапа легла на затылок: он пытается отключить меня. Я продолжаю упрямо стоять. – Века!

«Заметил. Наверное, провод почернел от замыкания». Поднимаю пистолет и не глядя направляю его за спину, чуть выше плеча. Выстрел. Я взвизгнула от боли, потому что падающий эйнер успел выпустить когти, разорвал рубашку, оставляя на моем правом боку три кровавые полосы.

Живой товар с криками разбегается в стороны, стараясь прижаться к стенам. Двое безмозглых начинают пальбу, но кто-то случайно закрывает меня своим телом и они попадают в него. Несчастного разрывает на части, я забрызгана чужой кровью.

Поднимаю пистолет, почти не целясь – манипулятор компенсирует все колебания, позволяет за тысячные доли секунды навести оружие. Бах! Бах! Двое безмозглых с противоположной стены падают, тут же разворачиваюсь, еще два выстрела. Все кончено. Рядом продолжают кричать, но врагов не осталось и во двор из дома никто не выходит. Лакеи и охрана свободные люди, но сейчас некому отдать приказ, а сами они под пули лезть не желают.

Прямо передо мной ворота на улицу, закрытые на кодовый замок. Направляю на него ствол, но в последнее мгновение останавливаюсь. Мне нужна другая одежда. Лихорадочно осматриваю испуганных людей, выбираю парнишку того же телосложения, что и у меня. На спине у него отключенный энергоблок, значит рубашка с вырезом, как у всех носителей. То, что нужно!

– Раздевайся.

Он не смеет ослушаться, трясущимися руками расстегивает пуговицы. Я скидываю свою одежду, изнанкой утираю лицо, переодеваюсь. Бах! Замок на воротах разлетается на мелкие куски. Удар ногой и створки со скрипом пошли в стороны.

– Выходите! Все! Быстро, разбегайтесь в разные стороны!

Оборванцы замерли в нерешительности, но еще один выстрел помогает им. Толпа вываливается на улицу, с криком разбегаясь. Я иду спокойно, словно ничего не случилось, будто у меня важное поручение и к этим людям я не имею никакого отношения. Прячу пистолет под рубашку.

Я знаю, что подставила их. Вряд ли хоть один беглец доживет до вечера. Прятаться им особо негде, переловят всех. Но они отвлекут эйнеров, дадут мне возможность добраться до стены. Если повезет, конечно.

Поворачиваю в переулок, продолжаю идти размеренным шагом, не ускоряясь, не притормаживая. У меня важное дело, я выполняю поручение хозяина...

За стеной

Считаю в уме, сколько патронов осталось в магазине. Четыре выстрела на безмозглых, один – чтобы напугать живой товар. Да, еще один на Рэка и один в замок. Если всего семнадцать, как в похожем пистолете отца, то в запасе еще десять патронов. Не думаю, что Рэк приготовил оружие, заряженное наполовину или на треть. Какой смысл? Он же не знал, сколько экземпляров придется забраковать. В любом случае проверить я не могу: было бы безумием доставать пистолет из-под рубашки.

Долго идти переулками невозможно. Чтобы попасть на границу оккупированной территории, надо преодолеть несколько улиц, которые в это время многолюдны. Что ж, мне нечего терять. Надо просто идти к цели и ни на что не обращать внимания. Если попытаются задержать... Живой не дамся!

Город обветшал, но границы его не изменились. Я прекрасно знаю, какой нужно выбрать маршрут, чтобы быстрее оказаться у стены. Что будет дальше? Какая разница. Проблемы нужно решать по очереди, не все сразу.

– Хлеб с мясом! Вода! – торгош в грязной одежде пытается всучить прохожим нехитрую снедь, – Эй, девчонка, купи!

Я брезгливо отворачиваюсь. От волнения привычное чувство голода исчезло, в животе будто узел завязали, меня подташнивает. Какой уж тут хлеб с мясом... В конце квартала замечаю двух здоровенных мужиков, оседланных хозяевами. Эти точно не на прогулку вышли. По мою душу или вылавливают остальных беглецов – мне проверять неинтересно. Сворачиваю, обхожу их по параллельной улице.

Рядом с большой лавкой столпился народ, приходится пробивать себе дорогу, протискиваться между вонючими телами. Краем уха слышу, как судачат две свободных женщины:

– Перестреляла всех! Я сама слышала!

– Неужели всех?

– Точно тебе говорю.

«Слухи распространяются быстрее, чем я иду по городу. Следует поспешить!»

Когда центральные кварталы остаются позади, улицы пустеют. Редкие прохожие сторонятся друг друга, идут, опустив головы, не поднимая взгляда. Им достаточно того, что у меня горб на спине. Есть ли там хозяин – никто выяснять не хочет; иногда и не разглядишь маленькую плюшевую игрушку за головой человека. Тем лучше.

Впереди показалась белая полоса, она плавно изгибается, повторяя рельеф местности. Стена! Отсюда еще кажется невысокой, но я знаю, что вблизи она превратится в пятнадцатиметровую бетонную скалу. Пора уже думать о том, как ее преодолеть. Но чем ближе я подхожу, тем меньше мыслей остается в голове. Паника, нарастая внутри, словно разрушительное цунами, готовое захлестнуть мой разум, заставить бежать, потеряв всякую осторожность.

«Спокойно, Вероника. Спокойно. Ты все сможешь, у тебя получится». Знаю – в стене есть пропускные пункты. Правда, большая часть из них заблокирована, эйнерам нет смысла распылять силы, контролируя весь периметр. Соппротивление подавлено, никто не пытается проникнуть с той стороны, а уж с этой и давно – люди привыкли, что на оккупированной территории есть еда, кров, порядок. Им кажется, что бежать просто не за чем.

Приходится пройти вдоль стены почти километр, прежде, чем я натываюсь на первый проход. Рядом никого, но сразу понятно, что здесь мне не пробраться: металлические двери не просто закрыты, они успели позеленеть от мшистого налета. Иду дальше, порой бросая взгляд наверх – не появится ли какая-нибудь лестница или что-то еще, по чему можно взобраться. Но нет, стена гладкая, как полированный шкаф. Наконец, показался еще один пропускной пункт. И кажется... Да! Дверь открыта!

Сердце гулко стучит в груди. Послушные железы, повторяя реакцию всего организма, делают ладони холодными и влажными. Я оглядываюсь. Проход не зря открыт именно в этом месте – в стену упирается широкий городской проспект. Народу немного, но если устроить шум, то обязательно останутся свидетели. Кажется, в стороне есть и хозяин на своем носителе. Этот и вовсе может организовать погоню.

Заблаговременно расстегиваю три пуговицы на рубашке, просовываю руку, проверяю предохранитель. Оказывается, все это время я шла с пистолетом в боевом положении. Замедлив шаг, вхожу в тень сводчатого тоннеля, который должен прорезать стену насквозь. Неужели никого?

С глухим стуком на землю падает что-то металлическое, шевелит заостренными конечностями. Эйнер. Обнаженный, без шкуры. Он кажется совсем маленьким, не выше тридцати сантиметров, но это существо наводит на меня неопиcуемый, животный ужас!

– Стой. Куда идешь?

Ничего не могу ответить, во рту пересохло, в сознании все спуталось. Он приближается ко мне, заставляя сделать шаг назад. Его конечности с жутким скрежетом царапают каменный пол. Еще немного и эта тварь коснется когтями моей ноги!

– Куда ты идешь? – повторяет он, – Кто твой хозяин?

– У меня... – я с трудом заставляю язык ворочаться, – У меня... нет хозяина. Больше нет.

Достаю пистолет. Бах! Грохот выстрела, отразившись от стен, закладывает уши. Бесконечно долгую секунду я рассматриваю разбитую свинцовой пулей конструкцию. Одна лапка еще дергается, но и она вскоре замирает. Под эйнером растекается маленькая лужица бурой жидкости.

Я срываюсь с места, перескакиваю через турникет, со всей дури налетаю в сумраке еще на одну дверь, лихорадочно начинаю искать замок. Вот он! Поворот круглого фиксатора – один оборот, два, три. Дверь распахивается.

Никогда в жизни я не бежала так быстро! Зеленая трава, яркое солнце, ветер в лицо... Главное не запнуться, добежать до леса! Поперек дороги разрослись колючие кусты, они цепляются за мою одежду, но я не обращаю на это внимания. Все напряжение последних часов, спрессованное неторопливой прогулкой по захваченному городу, вырвалось сейчас на волю в этом беге.

Справа от меня, чуть выше головы, проносится голубой энергетический ступок. Отклоняюсь влево, пригибая голову. «Нет, только не сейчас!» Еще один выстрел, совсем рядом. Бегу зигзагами, до кромки леса остается каких-нибудь тридцать метров. «Не сейчас, не сейчас! Я ведь почти смогла!» Очередной заряд впивается в землю рядом с моей ногой, я вскрикиваю, едва не падаю, споткнувшись о кочку, продолжаю бежать. Десять метров... Пять...

Лес охватывает меня со всех сторон тенистыми зарослями, обнимает переплетением веток, стволов, скрывает от холодных, чужих глаз. Душат слезы, хочется реветь навзрыд, но я продолжаю бежать, до полного изнеможения, до судорог в ногах, до хриплого свиста в легких. И даже когда сил больше нет, не могу сразу остановиться – перехожу на шаг, оглядываюсь, только потом падаю в прелые листья, раскинув руки, по-прежнему сжимая в правой сверхпрочный полимер, от которого еще пахнет порохом.

* * *

Меня не преследуют. Хочется лежать, вдыхая лесной запах и не шевелиться. Но едва отдохнув, я отправляюсь дальше, поминутно оглядываясь по сторонам. То и дело снова переходя на бег я одергиваю себя – нужно быть разумной, не тратить силы.

Лес для меня хоть и давно забытый кусочек прошлого, но совсем не экзотика. Детство и юность прошли не в городе – я фермерская дочка, не боюсь остаться один на один с густыми зарослями и зверьем. Кажется, я уже ничего не боюсь.

До темноты стараюсь уйти как можно дальше. У эйнеров нет своей полиции, они ведут очень обособленный образ жизни, объединяясь лишь для войны и решения деловых вопросов. Но я знаю – могут и организоваться, если посчитают, что преследование и уничтожение одного человека оправданно. Слабость их в том, что они не любят механизмы. Странный парадокс машинной психологии. Эйнеры почти не делают транспортных средств, предпочитая биологических существ. Можно, конечно, отобрать пять или шесть мужчин, из числа наиболее выносливых, послать за мной в погоню, но это в разы менее эффективно, нежели использование колесной или гусеничной техники, а еще лучше – флайера.

Эх, если бы еще удалось избавиться от энергоблока! О, тогда и тысяча самых быстрых и сильных мужиков не смогут за мной угнаться! Но для этого нужен нейрохирург, так просто горб не отрежешь. А где тут возьмешь нейрохирурга?

Зато сейчас есть возможность проверить оружие. Ставлю его, наконец, на предохранитель, достаю магазин.

– Один, два, три... – тыкаю указательным пальцем в прорезь, через которую видны круглобокие, отсвечивающие желтизной патроны, – Девять. Все верно, Вероника! Ты умничка.

Криво усмехнувшись, загоняю магазин обратно в рукоять, убираю пистолет за пояс. Сейчас уже нет резона прятать оружие под рубашкой.

При свете дня успеваю обобрать несколько ягодных кустов – какая-никакая еда. Один раз набрела на ручей и, кажется, впервые со дня вторжения сумела напиться чистой, живой воды.

Приближается ночь, нужно искать место для сна. Я продолжаю идти, пока вижу, куда ступает нога. В небе зажигаются звезды, но света от них чуть. Останавливаюсь. Все, дальше идти нет смысла. Это не тот ночлег, о котором можно мечтать, но какого черта? Везде одно и то же – деревья, кусты, трава, мох... Буду спать здесь! Прикладываюсь спиной к толстому дереву, закрываю глаза. Несколько минут меня мучают видения, всплывающие из глубин сознания, я снова и снова прокручиваю события, случившиеся за этот невероятно длинный, страшный и счастливый день. Потом усталость берет свое и я засыпаю, уронив голову.

Кто-то гладит меня по щеке. Губы сами растягиваются в улыбке. Из тьмы проступает мутный образ, но я знаю – это тот единственный, кому я позволила... С кем была счастлива... Пусть только пять минут, в хозяйском гараже, но мы были счастливы, потому что принадлежали лишь друг другу и никому больше! Я помню его руки, нежные прикосновения, помню, как он снимал с меня одежду и мы даже не замечали проклятые энергоблоки, потому что желание было слишком сильным, в миллион раз сильнее, чем у свободных людей! Мы знали, что это, скорее всего, никогда не повторится. Пять минут наслаждения, животного экстаза, а потом... Потом я увидела его бессмысленный взгляд, когда эйнеры заменили ему мозг имплантом. Нет! Нет, не прикасайся ко мне! Тебя больше не существует! В нос вдруг ударяет гнилой, отвратный запах. Я открываю глаза, понимаю, что вижу перед собой лицо человека – это мужчина в лохмотьях, с приоткрытым, почти беззубым ртом, он касается грязными пальцами моей щеки.

Руки надо беречь, поэтому бью ногой, как привыкла. Охнув, незнакомец откатывается в сторону.

– Ты чего, дура?!

– А ты чего?!

Он встает, отряхивается. В темноте плохо видно, но глаза уже пообвыклись, на расстоянии в пару метров я могу различить тощую фигуру.

– Только потрогал. И в мыслях ничего не было! А ты сразу пинаться.

– Ну, положим, в мыслях-то у тебя было, по роже видно.

Он не уходит, но и подойти ближе теперь опасается.

– Кто такой?

– Тощий. Не признала?

– Я не местная. А имени что, нет?

– Имени? – он рассыпается сухим, гавкающим смехом, – Имени! Где оно, то время, когда у нас были имена...

– Трех лет еще не прошло.

– Трех? Верно. А кажется, будто все тридцать.

Он замолкает, задумавшись, потом с усилием выдавливает:

– Р-роберт. Мое имя. Давно не произносил вслух. Можешь звать просто Роб. Или... Зови лучше Тощий, я привык.

– Очень приятно, Роб. Я Вероника. Руку пожимать не буду, извини.

– Ничего, ничего. Понимаю. Кому я нахер нужен, чтобы мне руку протягивать...

Костер бы разжечь. Ты не против?

Пожимаю плечами.

– Мне нечем.

– О, у меня есть! Это не проблема! – он кидается собирать сухие ветки, – Это сущий пустяк!

– А не заметят? Костер?

– Кто? – он удивленно замирает.

– Ну... Мало ли.

– Тут километров на двадцать никого вокруг, а то и на все тридцать. К городу люди боятся подходить.

Он чиркает спичками, прикрывая огонь руками. Через минуту оранжевые языки пламени уже облизывают с довольным потрескиванием хворост. Роберт сидит ближе к огню и мне его хорошо видно, я же остаюсь на своем месте, чуть в тени. Он достает из кармана какой-то сверток, раскладывает его на траве. Тонкий аромат вяленого мяса едва долетает с другой стороны костра, но мой желудок тут же откликается урчанием. Пока есть терпение, я жду, но Тощий не предлагает мне еды и терпение быстро заканчивается.

– Эй, может, поделишься? Заплатить, правда, нечем. Но мне много и не надо. Небольшой кусочек.

Оборванец напускает на себя важный вид.

– Ну, не зна-аю... Всегда можно найти, чем расплатиться.

Выхватываю пистолет, направляю ему в лицо.

– Сейчас я тебя пристрелю, сожру твое мясо, а потом и тебя!

Роб судорожно сглатывает.

– Я же пошутил. Ты чего? Пошутил я! На, держи, – он отрезает самодельной заточкой половину куска, встает, осторожно приблизившись протягивает мне.

Едим мы молча, с недоверием поглядывая друг на друга. От сытости и тепла глаза снова начинают слипаться. Смотрю на часы – половина третьего ночи, до рассвета далеко.

– Все-таки потуши костер. Не хочу, чтобы нас видно было за километр.

– Какой километр? Деревья кругом.

– Я сказала – потуши.

– Хорошо, хорошо, – он раскидывает тлеющие угли, затаптывает их ногами. Смотрит на меня, переминаясь в нерешительности, – Слушай... Ты только не пойми неправильно! Было бы лучше во всех отношениях... И теплее... Я понимаю, от меня воняет, но можно спиной к спине...

Если кто-то будет лежать рядом, я почувствую, когда он встанет. В этом я уверена. А вот если он ляжет в сторонке – тогда контролировать его не смогу.

– Заточку воткни в дерево. Нет, не в это, подальше. Хорошо. Запомни, Роб: реакция у меня моментальная, даже если тебе кажется, что я сплю. Понял?

Он согласно кивает. Осторожно подходит, пристраивается сбоку.

– Да мать же твою! – вскакивает, как ошпаренный, пятится назад, выставив перед собой руки, словно пытаюсь защититься от меня.

– Чего ты подпрыгиваешь-то?! Напугал, идиот.

– Горб! У тебя эйнерский горб!

– И что? Хозяина же на нем нет.

Роб вытягивает шею, стараясь заглянуть мне за плечо. Встаю, раздраженно закатывая глаза, поворачиваюсь к нему спиной.

– Убедился?

– Ни фиги себе. Ты... Ты из города?!

– Да, из города, там тоже люди живут. Давай уже ложиться, а? Так и ночь пройдет.

Снова укладываемся, но я все еще чувствую его страх. Роберт и сам не рад, что напросился спать рядом со мной. Видимо, здесь, за стеной, в людях живет ничуть не меньший ужас перед эйнерами, чем на оккупированной территории.

– А ты... Как тебя? Вереника. Ты вообще с мозгами?

– С утра была. Но кто-то из нас точно дурак. Чтобы управлять безмозглым телом нужен хозяин! Неужели не понятно?

– Понятно.

– Роб, заткнись и спи. Да, и, если попытаешься лапать меня – убью. Хорошо?

– Хорошо.

* * *

Он снова притрагивается к моему лицу. Вот же недоумок! Ведь ясно сказала... Разлепив заспанные глаза, понимаю, что Роб не просто прикоснулся, он зажал мой рот ладонью, указывая куда-то другой рукой. Ночная тьма уступила место рассвету, но лес заволкло туманом, который превратил стволы деревьев в призрачные тени. Я вдруг понимаю, что в той стороне, куда указывает Роб, одна из теней шевелится. Там кто-то есть! Тень раздваивается, еще через мгновение их становится уже три. И они движутся в нашу сторону.

В монастырь

Я отрываю руку Роба от своего лица, достаю пистолет, перевожу предохранитель в боевое положение. Пригибаясь, мы пятимся прочь от незваных гостей, которые молча продолжают идти к нам. Вряд ли они могли что-то заметить в тумане, но я знаю – в городе, среди носителей, есть охотники за головами. И они умеют находить беглецов шестым чувством. Одна из самых мерзких профессий, какую можно придумать для несвободного человека! Выслеживать своих, чтобы снова обратить их в рабов. Ну ничего, когда-нибудь и мы будем охотиться на эйнеров!

Я понимаю, что они нашли место костра: тени в тумане замирают, потом группируются, слышен тихий, неразборчивый разговор. Даже не имея возможности толком разглядеть, что они делают, я представляю, как один, самый опытный, прикладывает руку к измятой траве, чувствуя тепло недавно покинутого ночлега. Теперь они знают, что мы рядом.

Поворачиваюсь к Роберту, заглядываю в его распахнутые, испуганные глаза.

– Нам нужно разойтись, – говорю ему одними губами и он меня понимает, потому что страх обостряет восприятие, – Бежим!

Срываюсь с места, наугад выбирая направление, лишь бы подальше отсюда, прочь, как можно быстрее! Надеюсь, оборванец догадается не стоять на месте, как вкопанный, и не рванет следом за мной.

Горб добавляет телу килограмм пять. Немного, но все равно без него было бы легче. К черту! Я привыкла, не нужно об этом думать. Просто беги, Вероника, беги что есть духу!

Меня, конечно, услышали. Можно прятаться, не издавая ни звука, или даже бесшумно идти. Но бежать... Бежать бесшумно не получится. Не знаю, сколько там преследователей – один, два, или все трое. Оглядываться некогда. Резко сворачиваю налево, пытаюсь сбить их со следа. Туман редет, скоро он исчезнет совсем. Еще один поворот, в ту же сторону. Но если слух меня не обманывает, из-за спины все еще доносятся звуки погони.

Упираясь подошвами ботинок в мягкую лесную подстилку, я останавливаюсь, разворачиваюсь, вскинув руку с пистолетом. Выстрелы следуют один за другим – бах, бах! Не думаю, что в кого-то попала, но надо быть совсем чокнутым, чтобы продолжать нестись во весь опор, когда тебе навстречу летят пули. Человека это остановит.

«Человека?» – спрашиваю саму себя, продолжая убегать, – «Твари на спинах людей, заставляющие преследовать меня, могут вовсе не иметь страха».

Под ногами что-то хлопает. Кажется, в воздухе потянуло болотной гнильцой. Перепрыгиваю через лужи, стараясь не угодить в жижу, не поскользнуться. Быстро понимаю, что выбрала неверное направление: местность превращается в сплошное, расплескавшееся по лесу болото. Нужно поворачивать назад, но там... Там неволя, страх, унижения. Там при любом исходе – смерть.

– А-а-а!!! – мой вопль отчаяния несется по лесу, помогая преследователям точно определить, где их жертва. Они появляются почти сразу, все трое. Перешли с бега на шаг, приближаются ко мне.

– Твари!

Стреляю, уже не считая патроны. Кажется, один охотник упал, но я не уверена. Сама спотыкаюсь, валюсь спиной в слякотный замес из травы и грязи. Энергоблок словно с удовольствием впечатывается в чавкающую массу, не желает отпускать меня, не разрешает снова подняться. С усилием встаю, но они уже рядом. Кто-то пинком выбивает из моей руки оружие.

– Не сопротивляться, – приказ холодный, без эмоций, звучащий из-за спины охотника. Этот голос пробирает до дрожи, вводит в ступор. Но только не меня, не сейчас!

Я бью охотника по лицу наотмашь, чувствуя, как в бионическом манипуляторе что-то предательски хрустнуло. Боли нет – значит, повреждение серьезное, сработал болевой блокиратор.

Человек, которого я ударила, от неожиданности делает шаг назад, взмахивает обеими руками и, не удержавшись, падает прямо в блюдце черной воды. Он попадает в такую же ловушку, что и я несколько мгновений назад, только весит охотник раза в два больше и на дне лужи совсем уж вязкая субстанция. Он будто перевернувшийся на спину жук, сучит лапками, не в силах подняться. Его хозяина не видно и не слышно: не думаю, что металлическая тварь захлебнется, но она не может отдавать приказы.

– Борька, помоги!

Борька отмахивается от приятеля. Первоочередная задача для него – обезвредить беглянку, посмевшую убить в городе двух эйнеров. Он отпихивает подальше мой пистолет, надвигается, раскинув руки в стороны. На лице его играет кривая, злорадная ухмылка.

Я медленно отхожу, придерживая правой рукой поврежденную левую, но бежать мне уже некуда – позади сплошная трясина. Еще пара шагов и меня затащит, засосет так, что не выбраться. И я не знаю, чего боюсь больше – жуткой, мучительной гибели, или той жизни, от которой сбежала.

Когда между нами остается не больше двух шагов, что-то хлопает позади охотника. Обернуться он не успевает: увесистый обломок дерева со свистом рассекает воздух и попадает ему в висок. Борька оседает на землю. Он в сознании, но на его голову обрушивается новый удар, потом еще один и еще! Роберт не может остановиться, он с остервенением продолжает охаживать дубиной уже безжизненное тело охотника, до тех пор, пока не замечает, как из-под того выбирается сверкающий металлом скелет. Роб испуганно вскрикивает, отскакивая в сторону.

Пистолет снова у меня в руке. Правая в полном порядке, оружие я держу твердо и на прицеливание, как обычно, уходит тысячные доли секунды. Грохот выстрела, сверкающие осколки. Тишина. Даже парень, упавший на спину в черную лужу, перестал барахтаться, затих. Он испуганно смотрит на нас, переводя взгляд то на меня, то на оборванца.

Не знаю, остались ли в магазине патроны. Может, отпустить? Для парня это рулетка. Навожу на него ствол, сжимаю холодную запятую спускового крючка... Бах! Судьба сама решает его участь. Спокойно, не испытывая ни злости, ни радости, иду искать третьего. Его тело лежит метрах в пятнадцати. Сквозное попадание, один патрон для носителя и его хозяина. Хорошее оружие.

Возвращаюсь к Роберту и только тогда позволяю себе выплеснуть эмоции. Сжимаю оборванца в объятиях, используя лишь правую руку. Обнимаю долго, изо всех сил, зажмурившись и не обращая внимания на запах, источаемый его грязным, давно немывтым телом. Но, несмотря на ком в горле, в моих глазах нет слез. Наверное, я выплакала их раньше. Теперь уже ничто не сможет вернуть из прошлого ту наивную девчонку, которая мечтала закончить политех, а попала в горнило захватнической войны и последние три года желала лишь одного – снова стать свободной.

– Что теперь?

Роб отстраняется от меня, растерянно смотрит по сторонам.

– Там еще один, – отвечаю я, показывая на лежащего в луже охотника, – Наверное, хозяина придавило, он не может сам выбраться.

– Да и черт с ним! Вереника, оставь это дерьмо, давай уже уходить!

– Вероника, – поправляю я.

Несколько секунд молчу, глядя ему в лицо.

– Хочешь вздрагивать по ночам, опасаясь, что тварь выбралась, пошла по нашим следам, и теперь прижимает к твоему горлу когти?

Он опускает взгляд, отходит на пару шагов. Я проверяю обойму – пусто.

– Тьфу! Ладно, справимся так.

– Справимся? Нет уж, уволь! Я не...

– Иди сюда. Ты же не трус, я знаю.

Пересилив страх, Роб подходит ближе.

– Я не смогу поднять охотника, у меня слабые руки. Да левая еще и повреждена. Так что хватай его за одежду и медленно тащи, переворачивая на бок. Если вдруг крикну – сразу отпускай. Понял?

Он кивает. Цепляется за ворот и пояс мужчины, тянет на себя. Медленно, преодолевая ужас перед находящимся в глубине лужи существом. Я внимательно заглядываю под широкую спину безжизненного тела. Наконец появляется эйнер. Он жив. Шевелится, испачканный в грязи. Поворачивает ко мне металлическую мордочку с двумя светящимися искорками глаз. Я чуть было не вскрикиваю, но сдерживаюсь, замечаю, что тварь запуталась одной конечностью в проводах, не может выбраться.

– Ладно, отпускай. Нам нужно подтащить его к трясине и спихнуть туда. Будем толкать палками, чтобы затянуло. Охотник тяжелый, должен придавить эйлера.

Мы исполняем задуманное, несмотря на протесты Роба, который опасается, что хозяин в любой момент может освободиться и выскочить из случайного капкана. Вдвоем толкаем тело, длинными палками прижимаем его, окуная в воду, заставляя провалиться в илистое дно, исчезнуть навсегда. Мне кажется, что из глубины трясины я слышу пронзительный визг, приглушенный толщей воды, но это, наверное, лишь игра воображения.

* * *

– Нужно идти в монастырь.

Мы устали – позади целый день изнурительного, пешего марш-броска, подальше от города, от других охотников, которые, если эйнеры окажутся достаточно упрямыми, могут быть отправлены за мной.

– Что еще за монастырь? – я пытаюсь оттереть грязь с пистолета, бесполезного без семнадцати ступок свинца, но внушающего уважение даже с пустым магазином, тем более, когда враг об этом не знает.

– Поселение. Километрах в десяти, если повернуть на восход солнца, – объясняет Роб.

– И что там, в поселении?

Он пожимает плечами.

– Люди. Разные. Отец Кирилл всех принимает. Меня, правда, выгнал, – Роб горько усмехается.

– За что выгнал? – я останавливаюсь, изучаю лес в том направлении, куда мы двигались, потом поворачиваюсь направо, туда, где восходит солнце.

– А-а...

Он машет рукой, не хочет отвечать, но, заметив немой укор на моем лице, все-таки бормочет:

– За пьянство, распутство. Нежелание работать. Да ну их к лешему!

– Зачем же нам туда идти?

– Так ведь... больше некуда.

– В другое поселение.

Роберт смотрит на меня как-то странно.

– Других нет.

Старая каменная кладка, некогда окружавшая монастырь, бывшая прочной стеной, а теперь постепенно разваливающаяся под воздействием природных сил и людей, разбираю-

щих ее на строительные материалы, показалась на холме почти в сумерках, после заката. Никаких зданий за стеной видно не было, лишь колокольня возвышалась над поселением, указывая в небо позеленевшим шпилем.

– Ошибка наведения, – поясняет Роб, когда мы пересекаем руины монастыря, территорию, испещренную воронками, – Там, чуть подальше, был гарнизон. Личный состав перебрали на оборону города, но эйнеры этого не знали и накрыли его с орбиты бомбардировкой. Чуть-чуть промахнулись, раздолбали вместо гарнизона монастырь.

Я оглядываюсь по сторонам, поджав губы. Ненависть к захватчикам не прорывается наружу, она бурлит в глубине души, настаивается, обретает необходимые вкус и крепость, чтобы выплеснуться лишь тогда, когда придет время.

Спускаемся с холма. Среди перелеска с трудом можно разглядеть приземистые верхушки бункеров, разбросанные по обширной территории, укрытые полинялыми, но все еще выполняющими свою функцию маскировочными сетками. Среди вкопанных в землю бетонных укреплений тут и там заметно движение: мы действительно вышли к обитаемому поселению.

– Стой!

Навстречу выходят двое мужчин, один из которых вооружен автоматом, другой эйнерским импульсатором. Первый, увидев мой горб, скидывает оружие с плеча.

– Тихо, тихо! – Роб выставляет руки, заслоняя меня, – Она без хозяина. Сбежала из города. Можете сами убедиться.

Пока тот, что с автоматом, держит меня на прицеле, другой обходит вокруг, внимательно осматривая энергоблок. Бесцеремонно обшаривает, забирает пистолет.

– Он пустой.

Но патрульный не обращает на мое возражение никакого внимания, сует пистолет себе за пояс.

– Если все в порядке, потом верну. Идем!

Нас сопровождают к центру поселения; по дороге попадаются люди, встречающие Роберта кто с ухмылкой, а кто и с неприязнью. По мне скользят любопытные взгляды, натякающиеся на горб, который заставляет зевак в страхе шархаться в сторону.

Спускаемся по узкой лестнице вниз – один пролет, другой, третий. Пожалуй, даже если бы эйнеры не промахнулись, они бы не пробили эту защиту. Коптящие светильники тускло мерцают в длинном коридоре, после которого следует один поворот за другим. У массивной железной двери нас еще раз обыскивают, потом вталкивают внутрь.

– Вот, отец Кирилл, поймали двоих. Шли сюда от леса, через развалины.

На нас поднимает глаза еще не старый, но изможденный жизнью мужчина. На носу у него очки, одна дужка замотана скотчем. Он смотрит поверх стекол – видимо, носит их только для работы с бумагами, которые ворохом рассыпаны на столе.

– Она с горбом, отец...

– Вижу.

Он встает, подходит к нам ближе. Мягким движением отталкивает Роберта, бросив на него мимолетный взгляд – мол, с тобой позже разберемся.

– Как зовут?

– Вероника.

– Из города?

Киваю утвердительно.

– Беглянка, значит... Давненько оттуда никто не прорывался. Садись! – пододвигает мне стул, – Этого шалопаю в изолятор пока.

Протестующего Роба патрульный выводит из комнаты.

– Информации у нас оттуда почти никакой, так что твое появление как нельзя кстати.

Комната, в отличие от коридора, освещается диодной лампочкой. Она не намного ярче копящих светильников, но говорит о том, что в поселении есть генератор. Пожалуй, жизнь здесь не такая уж и плохая.

За спиной Кирилла, чуть выше его головы, висит карта полушарий планеты «Расцветающая», бета GJ 1252. Местонахождение поселения отмечено булавкой с приклеенным к ней красным флажком. Рядом видны очертания города, одного из двадцати двух, которые успели основать люди до вторжения. Семнадцать из них располагаются на побережье, и лишь пять, включая тот, из которого я сбежала, в глубине материка. Приглядевшись, замечаю линию, проведенную карандашом: стена, окаймляющая зону оккупации. Она извивается вокруг восьми городов, превращенных в одну большую агломерацию.

Отец Кирилл перехватывает мой взгляд.

– Остальные города разрушены, если тебя это интересует.

– А дальше? Там, в космосе?

Отрицательно качает головой.

– Неизвестно. Видимо, эйнеры нашли и уничтожили все ретрансляторы в системе бета Джи-Джей. Связь ухудшалась постепенно, – он усмехнулся, – Отыскать каждый болтающийся в космосе ретранслятор непросто даже для них. Месяца три или четыре еще была возможность общаться с другими мирами и мы знали, что эйнеры контролируют не все колонии. Но что происходит сейчас – одному богу известно!

Кирилл вздыхает.

– Мы можем собрать новые ретрансляторы и восстановить сеть, это несложно, технология менсо очень простая и надежная. Но для этого надо выйти в космос. Те, кто пытался, были сбиты хозяевами. Даже два больших транспорта с беженцами.

Я сижу, задумчиво уставившись в пол, баюкая левой рукой правую. Забытые слова – сеть, менсо, транспорт... Они звучат как осколки другой жизни, как эхо, которое никак не хочет затихнуть в скалистом ущелье.

Встрепенувшись, спрашиваю:

– Вы можете снять мой энергоблок?

– Лично я не могу. Да и никто в монастыре не сможет. Просто смиришься с этой штукой и все дела, – советует мне собеседник, – А что с рукой?

– Не рассчитала удар. Это бионический манипулятор, справа такой же. Они не рассчитаны на большую нагрузку.

Он встает со своего стула, присаживается рядом со мной на корточки.

– Ну-ка...

Осторожно берет мою поврежденную левую в свои ладони, начинает ощупывать.

– Корпус цел. Видимо, что-то внутри. Есть у нас один человек, который может это исправить, но я тебя с ним позже познакомлю. Он, знаешь ли, со своими тараканами в голове. Не хочу оставлять вас наедине друг с другом.

Отец Кирилл смотрит на часы.

– Знаю, у тебя еще много вопросов. А у меня к тебе еще больше. Но время позднее, давай отложим до завтра. Отоспишься и тогда уж... Ты, кстати, голодная?

Скромно передергиваю плечом. Есть, конечно, охота. С другой стороны – вряд ли у них с едой намного лучше, чем у тех, кто живет по другую сторону стены.

– Тебя проводят и накормят.

Я встаю, собираясь идти за патрульным. В последний момент оборачиваюсь.

– А Роб?

– Думаешь, он заслуживает?

В сущности, я могла бы и наплевать на дальнейшую судьбу оборванца. Но что-то заставляет меня нахмуриться, что-то странное, непонятное, чего я раньше в себе не замечала, но что, видимо, было во мне всегда. То, что заставляет в любой ситуации оставаться человеком.

– Поверьте, я видела сильных и опытных мужчин, которые оказались трусами. Он не такой. Не сбежал, когда было страшно. Поэтому – да, он заслуживает.

Простой, но сытный ужин. Опрятная, хоть и поношенная одежда. Чистая постель в женской комнате, где стоит дюжина кроватей. А перед этим еще и душ, в котором я нахожу большой кусок мыла. Мне сказали, что вода из чистой жилы спускается в бункер самотеком, и ее можно не жалеть. Холодная, но я на это не обращаю внимания. Как и на горб, которому влажность не повредит – конструкция абсолютно герметичная, рассчитанная на эксплуатацию под открытым небом.

Стою, упершись железякой в стену, задрав голову навстречу упругим струйкам, закрыв глаза. Как давно обнаженное тело не чувствовало свежего потока, не ощущало чистоты! Вспоминается довоенный фермерский дом, маленький водопад неподалеку, под которым любили купаться с соседскими девчонками, а потом уже и с мальчишками... Первые нежные прикосновения... Сладкая, беззаботная юность, кружившая голову!

Сползаю по стене вниз, сажусь на кафельный пол – уже нет сил стоять. Невольно склоняю голову на бок, готовая провалиться в блаженную дремоту. «Только минутку... Одну минутку... А потом встану... Пойду... Спать...»

Кто-то выключает воду, подхватывает меня, заворачивая в полотенце, словно ребенка. Ну и пусть. Ну и хорошо. Уносит в комнату – не ту, где двенадцать кроватей, совсем в другую.

Чужие следы

Просыпаюсь нагая, в чужой постели. Хочу привстать, но вовремя замечаю, что не одна в комнате: у противоположной стены мужчина, он тоже без одежды. Стоит, курит сигарету, аккуратно выпуская дым в подвывающую за решеткой вентиляцию. Его спина изуродована жуткими отметинами.

Сажусь на кровати, натягивая одеяло до подбородка.

– Эй! Ты кто?

Он оборачивается, расплывется в улыбке. Нужно признать, что парень красив. Тот же Роберт ему и в подметки не годится. Впрочем, бедняга Роб вряд ли хоть кому-то может составить конкуренцию.

– Почему я здесь? И где моя одежда? – изо всех сил стараюсь не смотреть на него ниже пояса.

– О, да! – он вдруг спохватывается, начинает натягивать брюки прямо на голое тело, – Извини, не хотел тебя смутить. Просто вчера ты уснула прямо в душе, а моя комната совсем рядом, вот я и принес сюда.

– Твоя комната? Больше похоже на склад.

– Да, ты права. Это мастерская. Зачем занимать место в общей спальне, если я все равно торчу здесь круглые сутки? Выпросил у отца Кирилла кровать.

– Не приходила в голову мысль позвать кого-нибудь из женщин, чтобы меня разбудили? Обязательно было тащить к себе?

Понимаю, что щеки у меня краснеют – представила на миг, что могло случиться ночью, пока была в забытьи.

– Нет, нет! – словно догадавшись о моих мыслях, парень машет руками, – Ничего такого я не делал! И ночью к тебе не притронулся, честное слово!

«Не врет, пожалуй. Какая бы усталость не навалилась на меня вчера, „такое“ я все равно почувствую». Он протягивает мне руку.

– Андрей.

Я еще сомневаюсь секунду, но отвечаю на рукопожатие.

– Вероника.

– Можно Вера? Или лучше Ника?

– Без разницы. Только не Века.

Вижу, что на его улыбающемся лице появляется несколько лишних морщинок, он опускает взгляд. Видимо, понимает – кто мог меня так называть.

– Твоя одежда, – протягивает мне сверток, – Лежала на полке, в душе.

«Попросить его отвернуться? Вот еще!».

Встаю, откидывая одеяло, начинаю одеваться, делая вид, что не обращаю на парня никакого внимания. Несколько мгновений он завороченно пялится на мое тело, потом резко отворачивается.

– Значит, ты здесь вроде мастерового?

– Ага, – он осторожно поворачивает голову, проверяя – оделась ли я.

– Наверное, про тебя мне говорил отец Кирилл.

– Что говорил?

– Что ты можешь починить мне руку, – правой приподнимаю левую, – Бионический манипулятор. Что-то хрустнуло, когда врезала охотнику.

Андрей осторожно обхватывает сильной ладонью запястье, но не глядит на него – с нескрываемым сожалением он все еще смотрит мне в лицо. Догадывается, через что пришлось пройти, прежде чем я оказалась в их монастыре.

Быстро пробегает пальцами по руке, достает какой-то прибор с маленьким экраном, прикладывает сначала к моему плечу, потом спускается все ниже и ниже.

– Ограничение по нагрузке?

– Да. Пятьсот грамм, если по инструкции. Ну, максимум кило. Как догадался?

– Сломаны все три балки усиления: видимо, облегченная версия, более хрупкая. Обычно, чтобы их сломать, нужна куда большая нагрузка. Да и дополнительных стабилизаторов у тебя там целая куча. Так бывает только с манипуляторами для тонкой работы.

Откладывает прибор, начинает копаться в ящиках с инструментами, запчастями.

– Я могу поставить нормальные балки, если хочешь.

– Нормальные?

– Такие, с которыми рука выдержит вес в два раза больше твоего.

– Но это нарушит все настройки!

– Нарушит. Поэтому тебе решать. Правую можешь оставить как есть, для точной работы. А левая будет ударной. Со временем адаптируешься, хотя, конечно, мозг будет долго привыкать.

Закусив губу, я раздумываю, но не слишком долго.

– Надо резать?

– Конечно.

– Тогда режь!

Андрей усаживает меня к столу, кладет на него клеенку, когда-то белую, сейчас покрытую пятнами, бурными разводами. Работает он деловито, словно так и планировал – заняться с утра пораньше вскрытием чьей-то искусственной руки. Рядом лежат заготовленные штыри, отливающие матовым металлическим блеском. Мне не хочется смотреть, но я почему-то не смею отвернуться, уткнувшись взглядом в бледно-розовую кожу своего предплечья.

Скальпель скользит легко, ровно, оставляя тонкую красную полосу. Она набухает, по коже скатываются капли крови. Щипцами Андрей расширяет рану, промокает ее несколькими кусками ваты, заползает внутрь какой-то штуковинной, больше похожей на отвертку механика, чем на инструмент хирурга.

– Не шевели пальцами.

– Я стараюсь.

Боль заблокирована, но неприятные ощущения остаются. Парень раскручивает крепления, отодвигает вспомогательные узлы, обычными плоскогубцами выдергивает поврежденные детали.

На клеенку уже натекло много крови, кожа на руке, перетянутой на плече жгутом, стала почти белой. Я с тревогой перевожу взгляд на Андрея. Он пытается меня успокоить:

– Не переживай, это регенерирующаяся органика, потом все быстро восстановится.

Легко ему говорить. Чувствую, как подступает тошнота. Скорее бы уже закончил!

Устанавливает новые балки, закрепляет их, проверяя сильными рывками в разные стороны, от которых мне становится еще хуже. Наконец, склеивает рану чем-то полупрозрачным, похожим на гель. Закрывает разрез широкой полосой пластыря.

– Эй, ты чего? – шлепает меня по щеке, – Нехорошо?

Едва заметно киваю головой. Он вскакивает, подносит мне урну, в которую я тут же выплескиваю остатки вчерашнего ужина.

На ремонт ушло не больше десяти минут.

– Ляг, полежи, – Андрей укладывает меня на кровать, – Тошнота скоро пройдет. Ничего, так бывает.

Он снова улыбается своей широкой, притягательной улыбкой.

Я смотрю на темные стены мастерской и вспоминаю белоснежную клинику, в которой устанавливали манипуляторы несколько лет назад. Идеальная чистота, яркие светодиодные лампы, бригада заботливых специалистов...

– Это твой? – кивком головы указываю Андрею на энергоблок, сиротливо приютившийся в углу помещения, – У тебя и на спине остались следы.

– Мой, – нехотя признается парень.

– Значит, ты тоже оттуда, из города. И много нас таких в поселении?

Он присаживается на край кровати.

– Сейчас двое. Ты да я. И, кстати, я не могу снять твой горб, если ты об этом думаешь.

Извини.

– Почему? – недовольно хмурюсь, поджимаю губы.

– Сама знаешь. Это не балки в руке поменять. Тут нужен нейрохирург, который грамотно отсоединит тебя от энергоблока, не оставив калеккой на всю жизнь. У меня нет такого опыта.

– Но кто-то же снял его с тебя!

Согласно кивает.

– Снял. Очень хороший специалист, но ты к нему не пойдешь.

– С чего ты взял?

– Потому что он живет в городе.

С досадой сжимаю правый кулак. «Андрей прав. В город я не вернусь. Ни за что!»

– А почему отец Кирилл не хотел оставлять меня наедине с тобой?

– Он так сказал? Ха! – Андрей встает с кровати. Не переставая смеяться, начинает убирать со стола инструмент и следы операции, – Это вовсе не потому, что я тащу к себе в мастерскую каждую симпатичную девчонку. Зря ты так думаешь.

– Я не говорила, что так думаю.

– Думаешь, думаешь. Я же вижу. Дело совсем в другом, но я об этом попозже расскажу. На самом деле Кирилл хороший человек, он, вместе с уцелевшими из братства, принимает всех, кто приходит в монастырь.

– И какая у них религия?

– Да уже никакой. Но и все сразу. Здесь столько разных людей, что все перемешалось, слилось в единый организм, у которого может быть лишь одна религия – выживание. Знаешь что, тебе надо поесть. Совсем бледная, посмотри на себя!

– Да я пока не хочу...

Встаю с кровати, подхожу к овальному зеркалу, которое пересекает тонкая трещина. На меня смотрит отражение худой брюнетки невысокого роста, с прямыми волосами. Тонкие губы, щеки с ямочками, удивленно вздернутые линии бровей. Пожалуй, лишь в глазах остался тот блеск, что был когда-то давно. Теперь он стал даже яростнее, злее.

«Симпатичная девчонка. Скажет тоже!» Но от его слов внутри становится тепло и приятно.

Стягиваю волосы, перехватываю их кусочком шнура, выпрошенного у Андрея. Рэк не давал мне стричься коротко, почему-то нравился ему мой хвост.

Мы идем в столовую. В коридорах постоянно встречаются разные люди – мужчины, женщины, дети, старики. Одни обращают на нас внимание, другие проходят мимо, даже не взглянув. Все озабочены личными проблемами, но каждый старается вложить свой кирпичик в фундамент общего дела, иначе нельзя, иначе не выжить.

В столовой многолюдно. Кто-то еще завтракает, а кто-то, поднявшись ни свет ни заря, уже пришел на обед. Андрей говорит, что надо заставить себя поесть. Приносит две тарелки с отварным картофелем и скромными кусочками мяса.

– Главное – налегай на это! – пододвигает ко мне сразу два стакана с алой жидкостью, – Ягодный морс. Офигенная штука!

Удивляюсь его неиссякаемому оптимизму. Кажется, радоваться всему, что происходит вокруг, его обычное состояние.

Морс я выпиваю без остатка – оба стакана. Мясо тоже съедаю, а вот картофелины долгоковыряю гнутой вилкой, расправившись с ними едва ли наполовину.

– Так и знал.

Я поднимаю голову, вижу нависшего надо мной отца Кирилла.

– Думал уже, что решила не оставаться с нами. В женской спальне не ночевала.

– Нет, я просто... Я уснула в душе...

Он машет рукой – «можешь не оправдываться, и так все ясно». Грозит зачем-то пальцем улыбающемуся Андрею и уходит.

– Ну вот! – бросаю вилку, – Он же все неправильно понял!

– Какое тебе дело? Пусть думает, что хочет. Давай лучше прогуляемся, если ты закончила.

* * *

Андрей сказал, что они все время патрулируют окрестные леса. Из города ждать гостей не приходится, попадают лишь разрозненные группы беженцев из других регионов, ищущие пристанище, да и то все реже и реже. Но ухо следует держать востро.

С нами идут еще двое мужчин и одна девушка, они держатся чуть позади, тихо о чем-то переговариваясь. Все вооружены, даже мне вернули пистолет с заполненным магазином и еще одним про запас.

– Хотел показать тебе кое-что.

Он достает из кармана смартфон. Настоящий, работающий смартфон! Почти такой же, каким и я пользовалась когда-то. Делала фотографии, выставляя их в социальных сетях, болтала с подружками в мессенджерах, флиртвала с поклонниками... Тысячи километров тогда не могли разделить людей. Да что километров! Световых лет! Волной накатывают воспоминания. Наваждение такое сильное, что приходится закрыть глаза и глубоко затянуться лесным воздухом, чтобы отогнать его.

Андрей показывает мне фото.

– Не знаешь его? Может, встречала там, в городе? Видела где-то случайно?

Внимательно рассматриваю картинку, отрицательно мотаю головой. На фотографии улыбающийся парень, немного постарше меня. Он стоит, положив руку на плечо Андрею, на фоне развалин монастыря.

– Нет, не припоминаю. Да там ведь много кого видишь каждый день, всех запомнить нереально.

Он уже разочарованно убирает смартфон обратно, когда я вдруг замираю на месте.

– Стой! Покажи еще раз.

Андрей включает гаджет, заходит в галерею, находит нужную фотографию.

Ну конечно! Я и не могла его сразу вспомнить – такого веселого, уверенного в себе. Живого. В памяти лишь остекленевшие глаза, уставившиеся в потолок гаража. Невольно притрагиваюсь к серой коробочке на затылке.

– Прерыватель...

– Что?

– Я заменила аварийный прерыватель, иначе бы мне не сбежать.

– Это понятно. А что с парнем? Ты его видела?

«Наверное, он его друг. И как мне сообщить об этом? Как сказать?»

Смотрю Андрею в глаза.

– Это его прерыватель. Я сняла его... с мертвого.

Улыбка, которая кажется неотъемлемой частью Андрея, вдруг тускнеет, исчезает.

– Уверена?

Киваю, опустив взгляд.

Он идет дальше, не пытаясь снова заговорить. И я не лезу с вопросами, хотя очень хочется знать – кем был этот парень, почему все-таки отец Кирилл не желал оставлять меня наедине с Андреем, что тут вообще происходит?!

Через несколько часов мы возвращаемся к монастырю. Регенерирующая органика действительно быстро заживает: микрочип в манипуляторе решил, что болевые сигналы ниже критического порога и теперь я чувствую ноющий, залепленный пластырем разрез. Хорошо. Боль – это хорошо.

На спуске с холма, где виднеются каменные глыбы монастырских развалин, один из парней вскидывает руку, подзывает к себе остальных. Мы подходим к нему, останавливаемся у едва заметной цепочки следов, отпечатавшихся в грязи.

– Кто-то из наших?

Андрей приседает на корточки, пожимает плечами.

– Может быть. А может и нет.

Идем по цепочке, пока она не теряется в траве. Сохраняя направление, натываемся на место, где трава примята. Это на краю пригорка, тут можно лечь, оставаясь незамеченным, наблюдать за поселком в долине. Парни настороженно переглядываются.

– Тэфл, иди вниз! Скажи Кириллу – пусть созовут людей, чтобы на поверхности никого не осталось. И отправят сюда еще человек пятнадцать с оружием! А мы пока попробуем найти остальные следы.

Парень срывается с места, устремляясь вниз, к бывшей армейской базе, где, среди едва заметных бункерных верхушек, видны шевелящиеся точки.

Расходимся цепью, высматривая на земле, в траве, среди каменной крошки развалин отпечатки чужих башмаков.

– Есть! – вскрикивает девушка, идущая крайней слева.

Следы не слишком четкие, порой они прерываются, теряются среди других, оставленных местными жителями, но мы снова и снова находим цепочку, упрямо направляющуюся в сторону леса. Кто-то пришел оттуда, наблюдал за поселением, не спускаясь с холма, а потом пошел обратно. Более очевидных доказательств враждебных намерений сложно придумать!

Идем быстро, порой переходя на бег.

– Если это один из охотников – дело плохо! Раньше они сюда не добирались. Видно, расшевелила ты осиное гнездо, Вера-Ника.

Андрей говорит едва слышно, так, чтобы слова долетали только до тех, кто рядом.

– Ох, чувствую, просекли они фишку с подменой прерывателей!

В лесу следы теряются окончательно. Никого это не смущает: теперь идем широко разбежавшись в стороны, почти до границ визуального контакта. Мы с Андреем по центру, парень справа от меня, девушка слева от Андрея. Время от времени я смотрю по сторонам, стараясь не отстать от остальных, не забежать вперед.

Грохот первого выстрела, прокатившийся по лесу, заставляет вздрогнуть. Это чуть левее: видимо, наша девчонка вышла на чужака! Устремляемся к ней. Девушка сидит, прислонившись к дереву, прижимает ладонь к плечу. Зеленая рубашка под ее рукой наливется красным.

– Сидел в засаде. Видно надеялся, что я одна, – быстро говорит она, – Туда побежал!

Нас остается трое, но враг где-то рядом, в пределах досягаемости, нужно лишь поднажать! Чувствую, что во мне просыпается азарт: раньше я ничего подобного не испытывала. Кто бы это ни был – носитель с хозяином на плечах, свободный охотник или хоть сам черт – он часть враждебного мира, который я ненавижу всей душой, который отнял у меня дом, близких, заставил чувствовать себя чьей-то собственностью.

Вдруг понимаю, что не слышу и не вижу никого. Азарт сыграл со мной злую шутку. Остановливаюсь, стараюсь успокоить дыхание. Поворачиваюсь на все триста шестьдесят градусов, внимательно ощупывая взглядом мшистые стволы деревьев. Не притаился ли кто-то за ними? Может, за этим? Или за тем? Как бы не попасть в своего.

Щепки разлетаются в стороны, царапнув меня по щеке – пуля-дура промахнулась сантиметров на двадцать. Между выстрелом и попаданием не было промежутка, значит, стрелок совсем рядом!

Еще один «ба-бах!», разлетающийся эхом по лесу. На этот раз выстрел с другой стороны и не в меня. Кто-то из наших угадал, где прячется чужак, выкурил его, заставляя спасаться бегством. Теперь я вижу его!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.